

ГЕНЕРАЛЪ-ФЕЛЬДМАРШАЛЪ

КНЯЗЬ

АЛЕКСАНДРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ПРОЗОРОВСКІЙ.

(По его запискамъ и бумагамъ.)

(Продолженіе.) (*)

III.

Назначеніе Штофельна командующимъ войсками въ Молдавіи было крайне неприятно князю Прозоровскому; онъ считалъ себя обиженнымъ.

13-го ноября 1769 года онъ писалъ письмо графу Захарію Григорьевичу Чернышеву, какъ бывшему своему начальнику, въ которомъ не скрывалъ своего огорченія.

Въ день праздника Богоявленія Господня слѣдующаго года князь Александръ Александровичъ получилъ отвѣтъ. „Не только опасенія ваши—писалъ ему графъ Чернышевъ—чтобы не наскучить мнѣ своими письмами, совсѣмъ по всегдашнему моему почтенію къ вамъ несходственно, но я напротивъ того увѣрю васъ, что принимаю писанія ваши знакомъ вашей ко мнѣ благосклонности, всегда читаю я ихъ съ особливимъ удовольствіемъ и покорнѣйше васъ прошу продолжать онымъ ко мнѣ, сколь часто вы къ тому случай и время сыскать можете, и увѣренну быть, что полученіе оныхъ мнѣ во всякое время весьма пріятно будетъ.

(*) См. „Военный Сборникъ“ 1868 г., № 7.

Т. LXII. Отд. II.

„Изъ сего послѣдняго (письма) съ сожалѣніемъ я однако же усматриваю, что учиненное главнокомандующимъ вашимъ росписание расположеннымъ въ Молдавіи войскамъ и раздѣленіе оныхъ на части, вамъ безпокойство и огорченіе наводитъ. Какъ большею частію не могутъ быть извѣстны подкомандующимъ тѣ виды и предметы, по которымъ главнокомандующій свои мѣры учреждать, а слѣдовательно и предводителей къ той или другой части назначать долженъ, но всѣ свои распоряженія по разсужденію своему дѣлаетъ къ одному и тому же предмету, отъ котораго онъ общей пользы ожидаетъ, то и въ нынѣшнемъ случаѣ безпокоится вашему сіятельству, кажется, причины нѣтъ. Всякій ревностный и усердный генераль, который свое искусство, храбрость и благоразумное предводительство толикими опытами доказалъ и тѣмъ репутацію свою на такомъ основаніи какъ ваше сіятельство поставилъ, не имѣетъ причины подобными сему переменами тревожиться. Знаніе вашего сіятельства въ нашемъ ремеслѣ и ревность ваша къ службѣ вездѣ блистать будутъ, гдѣ бы вы ни находились, и какое бы число войскъ вашему предводительству ввѣрено ни было: мало ли оно будетъ или велико, впереди ли вы съ онымъ будете или назади—вездѣ можетъ выискаться случай, гдѣ вы мужество свое и искусство оказать въ состояніи найдете.

„Продолжайте только ваше сіятельство употреблять такъ какъ вы начали все, что только можетъ способствовать къ приобрѣтенію вамъ чести и похвалы. Вы можете быть увѣрены, что, конечно, дѣла ваши затмѣнены не будутъ, и что потому должная заслугамъ вашимъ справедливость непременно послѣдуетъ тѣмъ болѣе, когда и повиновеніе, какое въ нашемъ ремеслѣ необходимо, безъ роптанія во всякихъ случаяхъ и дѣлами доказывать не преминете. Я съ моей стороны, по истинному къ вамъ усердію, за особенное себѣ удовольствіе поставлю употребить въ пользу вашу всѣ тѣ случаи, которые мнѣ только откроются“.

Князь Прозоровскій получилъ письмо это находясь въ Батушаняхъ (*), гдѣ и встрѣтилъ новый 1770 годъ. Поздравляя отсюда главнокомандующаго графа Румянцева съ новымъ годомъ, князь Александръ Александровичъ просилъ объ увольненіи его въ отпускъ.

„Взаимно поздравляя ваше сіятельство съ наступившимъ

(*) Мѣстечкъ на одномъ изъ притоковъ р. Цыцы, впадающей въ р. Прутъ.

новымъ годомъ — писалъ ему въ отвѣтъ графъ Румянцевъ — и желая да будутъ дни его и по немъ въ слѣдующихъ всегда вамъ благополучны, имѣю честь на письмо ваше, которымъ припоминаете объ отпускѣ, изъяснить, что сколько я ни признателенъ къ вашимъ нуждамъ и какъ ни усерденъ исполнить потому ваше желаніе, но въ нерѣшимости остаюсь единственно потому, что на мой ордеръ г. генераль-поручикъ Штофельнъ не отвѣтилъ, можетъ ли онъ обойтись и другому поручить ваше мѣсто. Напротивъ того, послѣдній рапортъ отъ него имѣю, что онъ готовится къ ополченію противу татаръ, со всѣхъ сторонъ набѣгами угрожающихъ, и вамъ также въ своей части поручилъ попеченіе. Присовокупить къ сему я долженъ, что и военная коллегія на сихъ дняхъ повелѣваетъ мнѣ, при просьбахъ отпусковъ, наблюдать дабы не терпѣла служба. Итакъ, по прошествіи настоящихъ въ Молдавіи тревогъ и какъ меня оонъ-Штофельнъ увѣдомить, кто на ваше мѣсто опредѣленъ, я поспѣшу тогда доставить вашему сіятельству все потребное. Теперь вы сами признаете, что не иное что меня удерживаетъ какъ надежда и довѣренность къ тѣмъ отличнымъ вашимъ способностямъ, кои наипаче нынѣ службѣ споспѣшествовать могутъ“.

Князь Прозоровскій долженъ былъ признать основательность письма тѣмъ болѣе, что самъ доносилъ о выходѣ изъ Бендеръ значительной партіи турокъ, разсыпавшейся по Молдавіи малыми партіями. Вскорѣ получено было свѣдѣніе, что всѣмъ татарамъ послѣ праздника байрама приказано собраться въ Каушаны и соединясь потомъ съ турками, которые должны переправиться у Измаила, напасть на Яссы совокупными силами. Въ Яссахъ были только два полка пѣхоты, въ которыхъ число наличныхъ солдатъ не превышало 1,000 человекъ. Для лучшаго наблюденія за непріателемъ князь Прозоровскій перешелъ съ гусарскимъ, Венгерскимъ и Архангелогородскимъ полками изъ Батушанъ въ Яссы. Въ Батушаны онъ приказалъ прибыть и Тенгинскому полку изъ Черноуцъ. Генераль Штофельнъ предписалъ князю Александру Александровичу, оставивъ отрядъ въ Яссахъ, самому возвратиться въ Батушаны. Князь Александръ Александровичъ писалъ главнокомандующему, прося его вторично уволить въ отпускъ.

„Въ то самое время—писалъ ему графъ Румянцевъ—какъ я собирался вашему сіятельству отвѣчать на ваше второе письмо

объ отпускѣ, имѣю удовольствіе видѣть отъ васъ рапортъ, что вы движеніе воспріали въ Яссы, предпочитая службу своимъ нуждамъ. Сіе обстоятельство, по которому я считаю всегда полезнымъ присутствіе въ тѣхъ мѣстахъ искуснаго генерала, не дозволило мнѣ ни прежде, ни теперь согласиться на отъѣздъ вашъ, въ чемъ я собственное ваше благоразсужденіе хочу имѣть себѣ судьей. Но когда пройдутъ настоящіа смятенія или, лучше сказать, коль скоро я найду мною самимъ желаемую возможность, то тотчасъ пришлю вашему сіятельству позволеніе отъѣхать по вашему желанію“.

Успокоеніе края и прекращеніе военныхъ дѣйствій предвидились не скоро. Турки хотѣли напасть на Букарестъ и, овладѣвши имъ, возстановить новаго господаря, который распространялъ между народомъ свои воззванія, приглашая жителей покориться туркамъ. У Журжи собралось до 16,000 человекъ турокъ подъ начальствомъ видинскаго паши; тамъ же находились и новый господарь Валахія, Монолаки.

Поселенные между Браиловымъ и Журжею жители, въ нѣсколько тысячъ семей, перешли со всѣми своими пожитками и скотомъ въ Молдавію и Валахію.

1-го февраля Штофельнъ съ боя овладѣлъ Журжею и 11-го числа возвратился въ Букарестъ. Жители встрѣтили наши войска съ радостію, устроили триумфальныя ворота и просили о приведеніи ихъ къ присягѣ на вѣрность. 12-го февраля происходило торжество присяги въ соборной церкви, послѣ которой жители представили Штофельну, для отправленія къ высочайшему двору, бархатную шапку съ перомъ, два бунчуга и четыре знамени, жадуемая обыкновенно отъ турецкаго султана при возведеніи господаря на княженіе въ Валахію. Поступкомъ этимъ они выражали нежеланіе имѣть у себя господаря.

Въ Адрианополѣ по свѣдѣніямъ находился самъ султанъ; визирь изъ Бабады шелъ въ Каранабадъ, лежавшій въ 16 часахъ отъ Адрианополя. Главнокомандующій приказалъ Штофельну занять Фокшаны, какъ ключъ къ Молдавіи и Валахіи и для сообщенія съ Букарестомъ и Яссами. Для наблюденія же вообще за движеніемъ непріятеля и для воспрепятствованія переправляться черезъ Дунай приказано поставить отдѣльные отряды въ Бузео и Фальцикъ.

Всѣ эти событія проходили, такъ сказать, передъ глазами князя Прозоровскаго. Онъ сидѣлъ въ Батушанахъ безъ всякой

дѣтельности. Злопамятный Штофельнъ не могъ простить ему неудовольствія, выраженнаго Прозоровскимъ при назначеніи Штофельна командующимъ войсками въ Молдавіи. Князь Александръ Александровичъ просилъ себѣ дѣтельности; Штофельнъ отвѣчалъ, что, по росписанію главнокомандующаго, Прозоровскому назначено быть въ Батушанахъ. Князю не давали никакого порученія. Прозоровскій просилъ Штофельна уволить его въ отпускъ, но тотъ спросилъ его не желаетъ ли онъ командовать войсками, расположенными въ Яссахъ. Князь Александръ Александровичъ, высказывая свою полную готовность принять команду, сообщалъ ему, что просилъ уже объ отпускѣ и самаго главнокомандующаго. Штофельнъ обрадовался этому сообщенію, ухватился за него и написалъ Прозоровскому, что просьба его объ увольненіи въ отпускъ и служить единственною причиною тому, что онъ не назначается никуда изъ Батушанъ. Князь Прозоровскій, не получивъ отпуска, остался попрежнему въ Батушанахъ. Тогда онъ написалъ новое письмо графу Румянцеву и просилъ его защиты.

„Имѣвъ честь получить ордеръ вашего сіятельства, пущенный отъ 21-го числа—писалъ онъ графу Румянцеву—не могу я утаить, что содержаніе онаго крайне меня огорчило, и тѣмъ болѣе для меня чувствительно, что я всегда ласкалъ себя счастьемъ быть въ милости вашего сіятельства, на которую и теперь полагаясь осмѣливаюсь одно только то изъяснить, что я никогда желанія не имѣлъ быть въ Батушанахъ, что никакая моя партикулярность къ тому меня не привязывала, ибо скучнѣе батушанскихъ квартиръ, какъ я думаю, въ свѣтѣ нѣтъ, а искренно вашему сіятельству скажу, что я, при пріѣздѣ его превосходительства Христофора Федоровича (Штофельна), просилъ его, чтобы онъ мнѣ приказалъ переѣхать въ Яссы, на что его превосходительство изволилъ сказать, что какъ я по росписанію отъ вашего сіятельства назначенъ въ Батушанахъ, то онъ сего перемѣнить не смѣетъ. Потомъ, когда я получилъ повелѣніе о командировкѣ полковъ въ разныя мѣста, то я опять письмомъ моимъ осмѣлился просить его превосходительство, чтобы и меня употребилъ куда за способнаго признать изволить. Спустя нѣкоторое время получилъ я отъ матери моеи письма объ извѣстной вамъ моей домашней нуждѣ.... и дѣйствительно я у вашего сіятельства вторично просить осмѣлился....

„Я въ жизни моей одну только дорогу имѣлъ къ счастію, въ своей службѣ, если я ее потеряю, то, конечно, несчастливѣйшій себя почитать буду, и какъ я честь имѣю въ числѣ подкомандующихъ вашихъ состоять, такъ все счастіе и несчастіе мое зависить отъ милости вашего сіятельства, въ которую я и теперь осмѣливаюсь себя препоручить и за честь себѣ постав-лять, чтобы я могъ называться, какъ я и есть, съ совершеннѣйшимъ высокопочитаніемъ и проч.“ (*).

28-го февраля князь Прозоровскій получилъ письмо графа Румянцева, приглашавшее его пріѣхать въ главную квартиру въ Латычевъ. Прибывъ туда, онъ нашелъ тамъ указъ военной коллегіи о переводѣ его во вторую армію, подъ начальство графа Панина.

„Съ великимъ удовольствіемъ—писалъ ему главнокомандующій второй арміи—получилъ я на сихъ дняхъ изъ Петербурга извѣстіе, что ваше сіятельство назначены во вторую предводительствуемую мною армію, будучи увѣренъ въ истинномъ ко мнѣ пріятствіи, а паче особливою ревности и способности къ службѣ нашей всемилостивѣйшей государыни. Вслѣдствіе соотвѣтственнаго всегда моего къ вамъ усердія, не преминулъ я къ освѣдомленію вашего сіятельства сіе сообщить, что вторая имѣетъ съ первою свою связь основательнымъ постомъ въ мѣстечкѣ Ладыжинѣ, лежащемъ на р. Бугѣ, гдѣ и всей здѣшней арміи собраніе къ будущей кампаніи предположено не позже исхода наступающаго мая мѣсяца.... Я же, для прекращенія дальняго вашего сюда переѣзду, предоставляю вашему сіятельству на волю теперь ли къ оному посту или по собраніи туда означеннаго корпуса или же на встрѣчу арміи нынѣ въ елизаветградскую провинцію прибыть. Что по сему вашему сіятельству предпринять изволите, о томъ меня заблаговременно увѣдомить не оставьте къ доставленію вамъ настоящей команды“.

Князь Прозоровскій отправился въ главную квартиру, явился графу Петру Ивановичу Панину и былъ назначенъ командиромъ отдѣльнаго отряда. Отрядъ этотъ состоялъ изъ Борисоглѣбскаго драгунскаго полка, съ шестью орудіями, изъ двухъ эскадроновъ чернаго, одного желтаго гусарскихъ полковъ, одного пикинернаго эскадрона, одного донскаго казачьяго полка, всего запорожскаго войска съ его кошевымъ и 5,000 калмыковъ.

(*) Письмо князя Прозоровскаго графу Румянцеву отъ 29-го января 1770 г. Изъ семейнаго архива князя Прозоровскаго.

Вслѣдъ затѣмъ открылись военныя дѣйствія. Главнокомандующій второй арміи приказалъ построить два укрѣпленія: одно при устьѣ Синюхи, тамъ гдѣ соединялись польская и турецкая границы, а другое между нимъ и крѣпостію св. Елисаветы у р. Черный Ташлыкъ. Первое названо Екатерининскимъ и содержало въ себѣ магазинъ на 30,000 четвертей, а второе Павловскимъ, назначеннымъ для охраненія всѣхъ повозокъ и обозовъ отираваемыхъ къ арміи изъ елисаветградской провинціи.

Въ апрѣлѣ вторая армія двинулась со своихъ постоянныхъ зимнихъ квартиръ. Часть ея была направлена за р. Бугъ, для занятія твердаго поста передъ мѣстечкомъ Ладыжинымъ; главнымъ начальникомъ ея назначенъ генераль-поручикъ Эльмштъ. Другая часть сосредоточивалась у р. Черный Ташлыкъ, подъ начальствомъ генераль-маіора графа Мусина-Пушкина. Запорожское войско направлено къ устью Мертвыхъ Водъ, впадающихъ въ Бугъ, гдѣ должны были присоединиться къ нимъ и 5,000 калмыковъ. Отряду, назначенному для движенія въ Крымъ подъ начальствомъ генераль-поручика Берга, приказано обратиться въ верховьяхъ р. Калміуса. Послѣдній отрядъ долженъ былъ охранять границу отъ Днѣстра до Азовскаго моря, защищать Азовъ и Таганрогъ и удерживать въ Крыму непріятельскія силы.

23-го апрѣля выступила и первая армія изъ своихъ зимнихъ квартиръ и двинулась разными путями на соединеніе къ Хотину. Въ половинѣ мая она переправилась черезъ Днѣстръ по двумъ мостамъ: одному постоянному у Хотина, другому понтонному противу Жванца, и стала лагеремъ въ двухъ верстахъ отъ берега рѣки, по правую ея сторону.

Вторая армія перешла Бугъ у екатерининскаго ретраншамента и далѣе слѣдовала къ Днѣстру на мѣстечко Ягорлыкъ.

Съ перенесеніемъ дѣйствій второй арміи за р. Днѣстръ и съ удаленіемъ отъ границъ по правому берегу этой рѣки, она оставляла въ лѣвой сторонѣ крѣпость Очаковъ съ морскою гаванью и съ безпрепятственнымъ водянымъ сообщеніемъ крѣпости съ остальными непріятельскими пунктами. Чтобы маскировать эту крѣпость и поддерживать безопасное и свободное сообщеніе вправо съ арміею, а влѣво до екатерининскаго ретраншамента и праваго берега Днѣпра, назначался отрядъ генераль-маіора князя Прозоровскаго.

Графъ Панинъ, не открывая еще военныхъ дѣйствій, отправилъ воззваніе въ Крымъ ко всѣмъ татарамъ жившимъ на очаковскихъ и бендерскихъ степяхъ. Онъ писалъ имъ, что Россія хотя и объявила войну Портѣ, но вынуждена была къ тому обстоятельствами, писалъ, что императрица не желаетъ проливать безвинно крови тѣхъ, „которые не только участія во вѣроломномъ турецкомъ разрывѣ не имѣютъ, но и сами отъ Порты порабощеніемъ въ подданствѣ содержатся“ (*).

Графъ Панинъ объявлялъ татарамъ, что желаніе императрицы состоитъ въ томъ, чтобы, воспользовавшись непріязненными дѣйствіями съ Портою, сдѣлать независимыми всѣ татарскія орды, состоявшія подъ властію Турціи, и если они захотятъ избавиться отъ турецкаго ига, то доставить имъ на будущія времена „благоденственное пребываніе независимое ни отъ какой державы, но состоя подъ единственною ея величества протекціею“ (**).

Главнoкомандующій именемъ императрицы обѣщалъ предоставить имъ самимъ устроить у себя собственное правленіе, по своимъ законамъ и обычаямъ. Онъ требовалъ только присылки депутатовъ съ просьбою о принятіи ихъ подъ покровительство Россіи.

Получивъ эти письма, крымскій ханъ открылъ совѣщаніе съ своими мурзами и сдѣлалъ распоряженіе, чтобы до времени татары не вторгались въ Молдавію и Валахію. Доходили свѣдѣнія, что ханъ готовъ искать покровительства, но опасается идти прямымъ путемъ. Приближенные хана совѣтывали выждать пока русскіе двинутся всею своею силою въ Крымъ и тогда искать покровительства, подъ тѣмъ предлогомъ, что, не имѣя средствъ сопротивляться безъ помощи турокъ, они должны были по необходимости отступить отъ своего обязательства съ Портою.

Дальнѣйшіе переговоры съ татарами возложены были на князя Прозоровскаго. Ему отпущена довольно значительная по тогдашнему времени сумма для подарковъ, посылокъ и велѣно приложить всевозможное стараніе къ склоненію татаръ въ нашу пользу, а если представится возможнымъ, то взять и аманатовъ изъ лучшихъ семей.

Князь Прозоровскій отправился въ екатерининскій шанецъ,

(*) Записки князя А. А. Прозоровскаго.

(**) Записки кн. Прозоровскаго (рукопись).

куда и прибылъ 25-го мая, сдѣлавъ распоряженіе о сосредоточеніи въ этомъ пунктѣ всего своего отряда.

3-го іюня онъ переправился черезъ Бугъ и, остановившись неподалеку отъ него, узналъ, что татары раздѣлились на двѣ части: одна двинулась черезъ Ягорлыкъ въ Польшу, а другая пошла къ р. Днѣстру.

Посланные къ Балтѣ развѣзды не нашли однако же никого. 11-го іюня князь Прозоровскій получилъ повелѣніе главнокомандующаго овладѣть Очаковымъ. Онъ двинулся съ своимъ отрядомъ въ вершину рѣки Березани, перешелъ ручей Ячкаракъ и остановился лагеремъ въ 20 верстахъ отъ Очакова, въ которомъ, по показанію захваченныхъ въ плѣнъ, было войска 1,500 человекъ кавалеріи и 2,000 пѣхоты и пять магазиновъ съ хлѣбомъ. Плѣнные показывали, что гарнизонъ ожидаетъ къ себѣ 17,000 въ подкрѣпленіе и получилъ письмо визиря, что подкрѣпленіе это отправлено. 18-го іюня отрядъ Прозоровскаго двинулся къ лиману, въ который впадаетъ Бугъ, и, подойдя верстъ на восемь къ Очакову, остановился лагеремъ въ виду крѣпости. Непріятель незначительными партіями показывался на высотахъ. Посланные драгуны и запорожцы вогнали его обратно въ крѣпость. Два турецкія судна, подойдя къ нашему расположенію, стрѣляли по лагерю. Прозоровскій выставилъ противу нихъ свои орудія. Чтобы показать, что отрядъ нашъ значителенъ, князь Александръ Александровичъ по возможности растянулъ свой лагерь, „а изъ Борисоглѣбскаго полку сдѣлалъ часть конницы въ бѣлыхъ кафтанахъ, а большею частию въ камзолахъ пѣхотою представилъ“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отправилъ въ Очаковъ письмо съ требованіемъ сдачи города. Паша, не распечатывая письма, возвратилъ его посланному, говоря, что ни въ какіе переговоры не вступить, „а зачѣмъ русскіе пришли, то пусть и дѣлаютъ, и что у него есть тысяча 40 войска, которыми онъ отвѣчать будетъ“.

Надежды на сдачу крѣпости не было. Признавая бесполезнымъ оставаться подъ ея стѣнами, князь Прозоровскій отступилъ къ р. Телигову, съ цѣлію пресѣчь непріятельскую коммуникацію отъ Чернаго моря съ Бендерами.

5-го августа прибыли въ главную квартиру 2-й арміи девять представителей отъ едисанской и буджакской ордъ „для принятія положительныхъ мѣръ къ отступленію отъ Порты“.

Вслѣдъ затѣмъ всѣ татары этихъ ордъ вступили въ покровительство Россіи и перешли для жительства на лѣвый берегъ Днѣстра. По слѣдамъ ихъ перешелъ на лѣвый берегъ Днѣстра и крымскій ханъ, стараясь привлечь ихъ на свою сторону и возвратить въ подданство Порты. Въ случаѣ же неудачи, думалъ черезъ Кинбурнъ пробраться въ Крымъ. На всякій случай, вѣроятно, для лучшаго отвода подозрѣнія, едисанскій сераскиръ-султанъ прислалъ письмо князю Прозоровскому съ увѣреніемъ, что и ханъ крымскій самъ желаетъ вступить подъ покровительство Россіи и отправить своихъ посланныхъ къ главнокомандующему второй арміи. Князь Прозоровскій доносилъ, что онъ со своимъ отрядомъ отправится преслѣдовать хана, и гдѣ съ нимъ сойдется, потребуетъ рѣшительнаго отвѣта, дѣйствительно ли онъ намѣренъ вступить въ покровительство Россіи. Въ случаѣ дѣйствительнаго желанія крымскаго хана, потребуетъ отъ него, чтобы онъ, не приближаясь къ Очакову, отправилъ своихъ посланныхъ главнокомандующему второй арміи для окончательныхъ переговоровъ.

Переговоры были продолжительные и со стороны татаръ весьма нерѣшительные.

1-го сентября князь Прозоровскій получилъ свѣдѣніе, что турки, бывшіе съ ханомъ, вошли въ Очаковъ, и что послѣдній переправляетъ свои обозы на ту сторону. О переговорахъ и свиданіи не было и помину. 3-го сентября прибыли къ князю Прозоровскому старшины отъ едисанской и буджакскихъ ордъ, которые и присягнули на коранѣ о вступленіи своемъ подъ покровительство Россіи, причемъ избрали своимъ общимъ правителемъ или старшиною Джанъ-Мамедъ-бея. Они поручились также за орды едикульскую и зимбулуцкую, обѣщаясь по своему положенію заставить и крымскихъ татаръ просить о покровительствѣ Россіи съ тѣмъ, что если они не согласятся, то будутъ считать ихъ своимъ непріателемъ. вмѣстѣ съ тѣмъ они написали прошеніе императрицѣ, въ которомъ, изложивъ всѣ пункты и основанія, на которыхъ вступаютъ подъ покровительство, обѣщались выдать аманатовъ изъ лучшихъ своихъ фамилій.

Подписавъ условія, старшины просили разрѣшенія князя Прозоровскаго идти имъ за Днѣпръ, такъ какъ тогдашнее кочевье ихъ было разорено и они не имѣли ни дровъ, ни корму

для скота. Прозоровскій спрашивалъ на это разрѣшенія главнокомандующаго.

Въ Очаковѣ по свѣдѣніямъ было немного турецкаго войска. Ханъ стоялъ подлѣ города не болѣе какъ съ 500 человекъ. Князь Прозоровскій отправилъ для нападенія на хана партію изъ 400 человекъ съ маіоромъ Елагинымъ, а самъ съ отрядомъ подвинулся къ Очакову и остановился въ лоццинѣ, называемой Хаджигиль, верстахъ въ 15 отъ города.

Высылаемыя изъ отряда Прозоровскаго партіи къ городу заводили перестрѣлку съ непріателемъ и отгоняли въ значительномъ числѣ его скоть. Въ это время крымскій ханъ двинулся къ Кинбурну и успѣлъ уйти къ Перекопу.

10-го сентября турки вышли въ значительныхъ силахъ, до 3,000 человекъ, изъ Очакова. Прозоровскій атаковалъ, разбилъ ихъ, за что и получилъ орденъ св. Георгія 3-й степени и 2,000 р. денегъ.

Въ октябрѣ онъ получилъ приказаніе главнокомандующаго переправиться обратно за Бугъ и слѣдовать на зимовья квартиры. Разстроенныя домашнія обстоятельства заставили князя Прозоровскаго просить объ увольненіи въ отпускъ. Получивъ разрѣшеніе, онъ отправился въ Москву, не успѣвъ привести къ концу порученныхъ ему переговоровъ съ татарами.

Они были приведены къ окончанію впоследствии. „Счастливые успѣхи въ нынѣшнюю кампанію — сказано въ указѣ сенату (*) — праведнаго оружія его императорскаго величества произвели, между прочимъ, то полезное дѣйствіе, что буджацкіе и едисанскіе татары; отважась изъ-подъ власти Оттоманской Порты, клятвенно обязались быть въ согласіи съ имперіею ея величества, въ разсужденіи чего и пресѣчены съ ними всѣ военныя дѣйствія и имъ дозволено, перешедъ р. Днѣпръ, расположиться на крымской степи, внѣ границъ ея величества.“

IV.

Крымцы, постоянно дѣлавшіе набѣги на наши области, съ давнихъ поръ обращали на себя вниманіе русскаго правительства. Еще при императрицѣ Аннѣ войска наши входили въ Крымъ, брали города и загѣмъ удалялись обратно. Крымцы дѣлали новые набѣги, на прекращеніе которыхъ можно было

(*) „Поля. Собр. Зак.“, т. XIX, № 13,533.

разсчитывать только при совершенномъ завоеваніи Крыма. Политическое и гражданское устройство татаръ не давало надежды на мирныя соглашенія къ прекращенію набѣговъ.

Крымскіе ханы вели свое происхожденіе отъ Чингисхана. Ханъ считался подвластнымъ турецкому султану, но пользовался уваженіемъ и почестями, отдаваемыми владѣтельнымъ особамъ. Каждый пріѣздъ хана въ Константинополь сопровождался особою церемоніею, доказывавшею важность и самостоятельность повелителя татаръ. Визирь съ главными сановниками встрѣчалъ хана за городомъ у вѣзда; въ присутствіи султана ханъ сидѣлъ и имѣлъ право пить кофе; всѣ его желанія считали обязанностію исполнять, хотя бы дѣло касалось головы визиря. Уваженіе это главнѣйшимъ образомъ происходило отъ того, что какъ турки, такъ и татары одинаково вѣрили, что, съ пресѣченіемъ династіи османовъ, правленіе надъ правовѣрными должно перейти въ родъ Чингисхана.

„Послѣ хана, вторымъ лицомъ въ Крыму почитался калга-гирей. Въ немъ соединялись титулы: намѣстника, полководца и верховнаго судьи; въ случаѣ смерти хана, калга управлялъ государствомъ; онъ имѣлъ своего визиря, свой диванъ и свой дворъ. Резиденція калги была въ Акмечети (Симферополь). Онъ пользовался доходами отъ соляныхъ откуповъ; ему также платили дань господаи дунайскихъ княжествъ.

„Второе званіе, послѣ калги, принадлежало нурредину-гирею. Въ случаѣ смерти калги, нуррединъ заступалъ его мѣсто; а если въ одно время умирали ханъ и калга, то замѣняли ихъ обомъ. У нурредина былъ также свой визирь и свой дворъ; но дивана онъ не имѣлъ.

„Третье званіе принадлежало оръ-бею, губернатору Перекопа съ его округомъ; за нимъ слѣдовали сераксиры кочующихъ ордъ, гдѣ каждый изъ нихъ представлялъ лицо вице-хана, предводительствовалъ войсками и имѣлъ своего визиря, дворъ и диванъ. Во всѣ эти должности назначалъ самъ ханъ; но калга и нуррединъ непременно избирались изъ ханскаго дома.

„Народъ, собственно татары, раздѣлялся на два класса: дворянъ (мурзы) и свободныхъ людей; третій классъ вольноотпущенныхъ составляли христіане, захваченные въ неволю и потомъ получившіе свободу. Рабства собственно между татарами не было, но христіане не были изъ него изъяты.

„Дворянство подраздѣлялось на высшее и низшее. Высшее

составляли пять фамилій, со многими развѣтвленіями ихъ родовъ. Первая изъ сихъ фамилій была Ширинская, древностію рода не уступавшая гиреямъ, и даже предъявлявшая свои права не престолъ, на томъ основаніи, что родоначальникъ Ширинскаго дома былъ союзникомъ, а не вассаломъ Чингисхана, и что онъ завоевалъ Крымъ одинъ своими собственными силами. Старшій бей этой фамиліи пользовался уваженіемъ татаръ, видѣвшихъ въ немъ охранителя правъ народа и гражданскихъ учрежденій. Ширинъ-бей, подобно хану, имѣлъ своего калгу, нурредина, диванъ, дворъ и проч. Ширинская фамилія пользовалась уваженіемъ султановъ, и въ исторіи Крыма встрѣчаются примѣры, что, по настоянію ширинъ-беевъ, ханы низводились съ престола. Въ описываемую эпоху, резидентъ нашъ въ Крыму о главѣ этой фамиліи относился такъ: „Джелалъ-бей есть самый почтеннѣйшій и разумный человекъ.“

„Вторая фамилія была *Мансурская*, третья *Седжеудская*; но обѣ онѣ съ давнихъ поръ утратили значеніе, и притомъ между ними не было ни одного лица сколько-нибудь замѣчательнаго. Четвертая *Аринская*, пятая *Барынская*, также утратившія свое значеніе. Члены этихъ фамилій, роднившіеся съ ханскимъ домомъ, не принимали отъ хана другихъ должностей, кромѣ сераксировъ и начальниковъ ногайскихъ ордъ; бей утверждался ханомъ въ ихъ достоинствѣ пожалованіемъ почетнаго кафтана.

„Дворяне, или *капикули*, не пользовались ни особыми правами, ни большимъ уваженіемъ. Они владѣли поземельною собственностію; но земель своихъ сами не воздѣлывали, а обрабатывали ихъ или рабами изъ христіанъ, или отдавали въ откупное содержаніе васаламъ, съ разными обязательствами.

„Для войны въ совѣтѣ хана опредѣлялось, сколько именно, 2, 3, 4 или 5 дворовъ, должны были выставить одного коннаго, въ полномъ вооруженіи, ратника. Ратники эти соединились вмѣстѣ, подъ начальствомъ старшаго въ родѣ дворянина. Доходы хана состояли изъ откупныхъ статей на соль, вино, садоводство и проч.

„Ногайскія орды, также свободныя, подраздѣлялись на тѣ же классы, какъ и крымскіе татары. Земля раздѣлена была у нихъ по родамъ, но никто въ родѣ не имѣлъ своей частной поземельной собственности. Вообще ногайскіе татары считали въ земледѣлію презрѣніе, которое проистекало изъ

понятія ихъ, что занятіе такого рода унижаетъ званіе свободного человѣка. Впрочемъ, гдѣ были поля, удобныя для воздѣлыванія, тамъ они обрабатывались общинами, а мурзы дѣлили собранную съ нихъ жатву. Богатство мурзъ опредѣлялось количествомъ скота и рабовъ (христіанъ).

„Мужествомъ и страстію къ войнѣ, ногайскіе татары превосходили крымскихъ и, по повелѣнію хана, выставляли въ поле войска болѣе, чѣмъ требовала того надобность (*).“

Эта страсть къ войнѣ или лучше сказать къ простому хищничеству и была основною причиною постоянныхъ безпорядковъ и нападеній на наши границы. Рѣшеніе вопроса относительно обезпеченія границъ составляло главную задачу военныхъ дѣйствій 1771 года. Собраны были, какъ и прежде, двѣ арміи: одна, такъ называемая *вторая* армія, подъ начальствомъ князя Василя Михайловича Долгорукова, а другая, или *первая*, подъ начальствомъ графа Петра Александровича Румянцева. Цѣлю дѣйствій второй арміи было покореніе Тавриды, въ то время, когда первая будетъ удерживать турокъ отъ пособія татарамъ. Поэтому графъ Румянецъ долженъ былъ, своими дѣйствіями за Дунаемъ, собрать противъ себя всѣ главныя силы турокъ, такъ чтобы крымскій ханъ предоставленъ былъ одной собственной защитѣ противъ дѣйствія русскихъ войскъ.

18-го января, въ главную квартиру въ Полтаву прибылъ главнокомандующій второй арміи, князь Василій Михайловичъ Долгоруковъ.

Проведя всю зиму 1770—1771 годовъ въ отпуску, князь Прозоровскій пріѣхалъ также, въ апрѣлѣ 1771 года, въ Полтаву.

Апрѣля 20-го дня армія выступила въ походъ. Черезъ шесть дней отправился и князь Прозоровскій къ своему передовому отряду (**), направленному къ р. Самарѣ. Главнокомандующій поручилъ князю Прозоровскому прикрыть Александровскую крѣпость, лежавшую на Днѣпрѣ, ниже Екатеринослава, и отправить отрядъ для разъѣздовъ сколь можно далѣе до самаго моря.

(*) Истор. обзоръ дѣятельности графовъ Румянцева-Задунайскаго, соч. Саковича. См. „Русскую Бесѣду“ 1858 г., № 2.

(**) Въ отрядѣ находились полки: Борисоглѣбскій драгунскій, Сумскій, черныи и желтый гусарскіе, Донецкій пикетирный, пять донскихъ полковъ — трехъ Грѣковыхъ, одного Иловайскаго, одного Краснощекова, Малороссійскій Лубенскій полкъ, 500 человѣкъ запорожскаго войска, два карабинерныхъ эскадрона Московскаго легіона и 8 орудій.

Крымцы раздѣлились на двѣ партіи: одна оставалась преданною туркамъ, другая желала вступить въ союзъ съ Россією, по примѣру ногайцевъ и буджакскихъ татаръ. Прибывшій моремъ изъ Константинополя калга-султанъ увѣрялъ крымцевъ о скоромъ приходѣ имъ на помощь 70,000 турецкаго корпуса.

Въ первыхъ числахъ марта рѣки очистились отъ льда, снѣгъ стаялъ, но въ 20-хъ числахъ наступили опять довольно сильные морозы и выпалъ такой снѣгъ, что можно было ѣздить на саняхъ. До 18-го апрѣля продолжались морозы и холодная погода, какой въ тѣхъ мѣстахъ и въ это время года, по показанію туземцевъ, никогда не бывало.

27-го апрѣля Прозоровскій прибылъ къ р. Кильчень, гдѣ стояли полки Борисоглѣбскій драгунскій, Донецкій карабинерный и малороссійскій Лубенскій. Сумскій гусарскій стоялъ при Новоселицахъ.

Главнoкомандующій съ двумя дивизіями прибылъ въ мѣстечко Пиричавку, на р. Орель, впадающей въ Днѣпръ, а князь Прозоровскій съ своимъ авангардомъ переправился черезъ р. Самару у самарскаго ретраншамента. Маіоръ Фричь отправленъ съ отрядомъ къ р. Токмаку (впадающей въ Азовское море) съ приказаніемъ посылать развѣзды до Овечьяго брода, къ р. Молочной и верстъ на 80 ниже ея, такъ чтобы наблюдать за непріятелемъ до самаго Азовскаго моря. Другой отрядъ, подъ начальствомъ полковника Кутейкина, посланъ къ устью рѣки Янчакрака, впадающей въ Черное море западнѣе г. Херсона, съ тѣмъ чтобы развѣзды доходили до р. Бѣлозерки.

Послѣ холода наступили сильные жары, отъ которыхъ степи загорались. Войска подвигались медленно; часто за армією везли воду. Главнoкомандующій приказалъ находиться въ походѣ не болѣе пяти или шести часовъ и слабосильнымъ, кромѣ ружья, не имѣть никакой другой ноши. 10-го мая отрядъ князя Прозоровскаго перешелъ Конскія воды. Непрiятеля нигдѣ не было. Графъ Румянцевъ писалъ князь Долгорукову, что по полученнымъ свѣдѣніямъ крымскій ханъ съ 10,000 турецкаго войска отправился въ Крымъ. 3-го іюня авангардъ достигъ города Кизыкермена (*), а вслѣдъ затѣмъ перешелъ къ городу Каланчаку (Янзагомъ), гдѣ остановившись применилъ правымъ флангомъ къ Черному морю верстахъ въ десяти отъ города. Слѣдомъ, за передовымъ отрядомъ шла и главная армія, кото-

(*) Неподалеку отъ Днѣпра, выше Херсона.

рая 12-го числа прибыла и расположилась лѣвѣе авангарда, разстояніемъ отъ Перекопа на пушечный выстрѣлъ. Осмотрѣли всю перекопскую линію укрѣпленій, измѣрили веревкою глубину рва. При этой рекогносцировкѣ открылось, что со стороны Очакова, по Черному морю, подъ прикрытіемъ берега, а съ другой стороны черезъ Сивашъ, по причинѣ бывшаго тогда отлива, можно пройти внутрь Крыма миновавъ укрѣпленія.

На военномъ совѣтѣ, бывшемъ по этому случаю, рѣшено атаковать укрѣпленія и вмѣстѣ съ тѣмъ воспользоваться и послѣднимъ проходомъ.

Едва смерклось, какъ на атаку линій отправлены отряды подъ начальствомъ генераль-маіора графа Мусина-Пушкина и генераль-квартирмейстера Каховскаго. Первому поручено атаковать отъ Чернаго моря съ правой стороны, а Каховскій долженъ былъ съ лѣвой стороны вести фальшивую атаку.

Генераль-маіоръ князь Прозоровскій, съ его отрядомъ, посланъ къ Сивашу, гдѣ, соединясь съ отрядами генераль-маіора князя Алексѣя Борисовича Голицына и генераль-маіора князя Петра Михайловича Голицына, долженъ былъ перейти его. Всѣмъ тремъ отрядамъ приказано было выступить ночью, безъ шума, и, пользуясь темнотою, первымъ двумъ (графа Мусина-Пушкина и Каховскаго) подойти къ стѣнамъ, а послѣднему (князя Прозоровскаго) переправиться черезъ Сивашъ. Этотъ переходъ былъ довольно затруднителенъ, отъ растоптаннаго и и обращеннаго въ грязь дна Сиваша, по которому прошла кавалерія прежде пѣхоты. Войска едва успѣли переправиться только на разсвѣтъ. Противуположный берегъ оказался болотомъ, для слѣдованія по которому кавалерія должна была спѣшиваться и вести лошадей въ поводу, а артилерію приходилось съ большимъ затрудненіемъ перевозить на людяхъ. Непрiятель, замѣтившій переправу князя Прозоровскаго, двинулся противъ него тогда, когда тотъ едва только успѣлъ достигнуть до берега. Князь Петръ Михайловичъ Голицынъ, командовавшій всею кавалеріею, могъ собрать и устроить наскоро одни только гусарскіе полки, а князь Алексѣй Борисовичъ занялъ берегъ двумя каре, между которыми былъ помѣщенъ впослѣдствіи одинъ полкъ кавалерія; остальные стали на правомъ флангѣ. Непрiятель сильно тѣснилъ высланныхъ впередъ казаковъ, которые быстро отступали и навели непрiятеля на

лѣвое крыло, которое, пропустивъ казаковъ во вторую линію, открыло сильный ружейный и артиллерійскій огонь. Непріятель, собравшійся числомъ до 20,000, подался вправо, но, атакованный кавалеріею, былъ опрокинутъ, отступилъ къ соленнымъ озерамъ и преслѣдуемъ болѣе 20 верстъ казаками до тѣхъ поръ, пока „у нихъ (казаковъ) какъ отъ прыткой ѣзды, такъ и отъ великаго жару лошади притупѣли“.

Перекопъ былъ взятъ. Турецкій гарнизонъ, состоявшій изъ 871 человека, положилъ оружіе и выпущенъ изъ крѣпости. Главнокомандующему поднесены ключи города и всѣ знамена. Генераль-маіоръ Броунъ съ отрядомъ отправленъ для занятія Козлова (нынѣшней Евпаторіи), а генераль-маіору князю Щербатову приказано завладѣть Арбатомъ. Отрядъ князя Прозоровскаго остановился неподалеку отъ Перекопа и отправилъ разѣзды къ Черному морю и по бахчисарайской дорогѣ.

„Хотя неожиданныя препятствія—писала императрица Екатерина въ указѣ князю Прозоровскому — и удержали васъ въ переправѣ съ войскомъ черезъ Сивашъ, мы очень довольны, однако же, употребленными вами въ томъ случаѣ ревностію и усердіемъ и потому восхотѣли мы объявить вамъ, а чрезъ васъ и всему бывшему съ вами войску, наше за сіе благоволеніе и увѣрить васъ притомъ, что мы пребываемъ во всемъ императорскою нашею милостію благосклонны“ (*).

16-го іюня армія двинулась далѣе. Князь Прозоровскій съ своимъ отрядомъ пошелъ по дорогѣ къ Барасу-Базару и, отойдя отъ Перекопа 29 верстъ, расположился лагеремъ. 18-го числа армія остановилась у д. Ахтамъ.

Недостатокъ воды во многихъ мѣстахъ заставлялъ дѣлать усиленные переходы, а сильный дождь сдѣлалъ дороги весьма грязными и трудными для похода. Глинистый грунтъ и вспаханная поля, по которымъ приходилось двигаться войскамъ, крайне изнуряли солдатъ. Обозы отставали и отрядъ долженъ былъ иногда стоять по два или по три дня, чтобы дожидаться ихъ прибытія. 20-го іюня въ главную квартиру явились депутаты отъ татаръ, просившіе перемирія. Проѣдя черезъ рѣчку Салгиръ, князь Прозоровскій, 22-го числа, получилъ привазаціе главнокомандующаго: „надъ татарами никакихъ поисковъ не дѣлать, въ разсужденіи сдѣланнаго съ ними на пять дней перемирія“.

(* Указъ 3-го іюля 1771 г.; записки Прозоровскаго.

По показанію грековъ, перешедшихъ въ нашъ лагерь, бывшее въ Кефѣ (нынешняя Θεοδοσία) турецкое войско, соединясь съ привезеннымъ Абазы-пашею подкрѣпленіемъ, въ числѣ 20,000, направились сначала къ Перекопу, для его защиты, но встрѣясь съ разбитыми и бѣгущими толпами татаръ, отступило назадъ въ Кефу. Ханъ приказалъ татарамъ все свое имущество, женъ и дѣтей увезти въ горы, а самимъ всѣмъ, за исключеніемъ старыхъ и слабыхъ, собираться на р. Салгирь, для воспрепятствованія перехода русскимъ войскамъ.

Русскія войска двинулись къ Салгиру и переправились черезъ рѣку по наведеннымъ мостамъ. Въ то же время отдѣльный отрядъ генераль-маіора Броуна занялъ Козмовъ (Евпаторію), потомъ слѣдовалъ къ рѣкѣ Салгиру, а оттуда къ Карасу-Базару, для прикрытія тыла арміи отъ непріятеля.

Въ день вступленія императрицы на престолъ, армія двинулась къ Кефѣ (Θεοδοσία), но по причинѣ гористой мѣстности и трудности пути, могла пройти въ теченіе всего дня только 14 верстъ. Остановившись въ 10¹/₂ верстахъ отъ города, главнокомандующій сдѣлалъ распоряженіе для атаки его на слѣдующій день.

На разсвѣтъ слѣдующаго дня генераль-маіоръ графъ Мушинъ-Пушкинъ съ восемью баталіонами отправленъ для занятія горы, лежавшей впереди, въ трехъ верстахъ передъ лагеремъ. Князь Прозоровскій съ кавалеріею двинулся влѣво отъ города, а генераль-маіоръ Зоричъ вправо для прикрытія фланговъ арміи. Въ городѣ и его окрестностяхъ было 25,000 турокъ, подъ предводительствомъ трехбунчужнаго Сераскира-Ибрагима-пашы. Главныя наши силы двигались подъ начальствомъ генераль-поручиковъ Берга и Эльмпта. Непріятель стоялъ лагеремъ впереди предмѣстья, имѣя за спиною городъ Кефу, обнесенный высокими каменными стѣнами. Лѣвая сторона его лагеря прикрывалась высокими горами, а правая примыкала къ Черному морю и обезпечивалась олотиліею, состоявшею изъ 80 судовъ разной величины. Впереди лагеря турки устроили ретраншантъ со рвомъ, глубиною въ 1¹/₂ аршина. Брустверь его составляли, вмѣсто туровъ, мѣшки съ пескомъ, за которыми поставлено было 24 орудія. Съ приближеніемъ нашей арміи къ лагерю, турки открыли огонь, а вслѣдъ затѣмъ, непріятельская кавалерія появилась на правомъ флангѣ, противъ отряда Зорича. Отбивъ атаку, Зоричъ поставилъ на вер-

шивъ торы одно орудіе, которому, послѣ трехъ выстрѣловъ, удалось взорвать нѣсколько зарядныхъ ящиковъ. Турки встревожились, усилили огонь изъ своихъ орудій. Главнокомандующій приказалъ всей лиціи двинуться въ атаку. Кавалерія съ обоихъ фланговъ врубилась въ ретраншанментъ. Турки бѣжали и заперлись въ городѣ. Князь Прозоровскій получилъ приказаніе обойти городъ съ тылу, чтобы отрѣзать отступление неприятелю. Дорога пролегла по высокой и крутой каменной горѣ, по которой, болѣе 2½ верстъ, князь Александръ Александровичъ долженъ былъ идти только въ двѣ лошади. Къ вечеру князь Прозоровскій достигъ указаннаго ему пункта, а главныя силы заняли ретраншанментъ и очистили предмѣстье отъ неприятеля. Въ ночь къ городскимъ воротамъ подвезены наши орудія. Предположено было, разбивъ ворота, штурмовать городъ. Едва былъ открытъ огонь изъ орудій, какъ Ибрагимъ-паша прислалъ письмо къ главнокомандующему. Предавая городъ побѣдителямъ, онъ просилъ только свободы себѣ и своей свитѣ. Князь Долгоруковъ требовалъ, чтобы онъ, сдавшись военно-плѣннымъ, выѣхалъ къ нему въ предмѣстье. Ибрагимъ пріѣхалъ и отдалъ свою саблю, которая была ему тотчасъ же возвращена. Городъ занятъ нашими войсками.

Присланные въ главную квартиру депутаты крымскихъ татаръ объявили, что вступаютъ подъ покровительство императрицы на условіяхъ, предложенныхъ главнокомандующимъ.

Князь Щербатовъ получилъ приказаніе занять Керчь и Эниколь, а князь Прозоровскій позицію при Карасу-Базарѣ, которую онъ и занялъ 6-го іюня. 10-го числа онъ получилъ приказаніе: занявъ небольшими отрядами Балаклаву, Акмечеть (Симферополь) и Бельбекъ, съ остальными войсками слѣдовать къ Бахчисараю. Несмотря на успокоеніе жителей, татары, при первомъ приближеніи нашихъ войскъ къ ихъ деревнямъ, разбѣгались, такъ что князь Прозоровскій вытребовалъ къ себѣ мурзу съ десятью татарами и послалъ ихъ впереди отряда для ободренія жителей.

Въ Акмечеть (Симферополь) къ князю Прозоровскому пріѣхалъ изъ Бахчисарая татарскій мурза, объявившій, что крымскій ханъ находится въ Бахчисараѣ и отправилъ уже письмо къ главнокомандующему, въ которомъ отдаетъ себя въ покровительство Россіи. Эта была, однако же, со стороны

хана простая уловка. 8-го іюля въ главную квартиру прибылъ посланный съ письмомъ отъ ширинъ-мурзъ, Джагинъ-Гирей и Богадыръ-аги, которые писали, что крымское общество, видя, что ханъ ихъ, Селимъ-Гирей, не склоняется на вступленіе подъ покровительство Россіи, рѣшилось, до полученія согласія императрицы на избраніе новаго хана, опредѣлить ихъ обоихъ главными начальниками крымскаго правленія.

Одновременно съ этимъ явились къ князю Долгорукову депутаты едичкульскихъ татаръ, избранные для отправленія къ высочайшему двору. Съ ними находились и аманаты, назначенные для постоянного пребыванія при главнокомандующемъ. Едичкульцы просили дозволенія переселиться на Кубань. Главнокомандующій разрѣшилъ имъ такое переселеніе съ тѣмъ, чтобы они слѣдовали черезъ Енишъ.

Султанъ Мегметъ-Гирей, жившій близъ Тамана, и Ахметъ-бей, владѣтель Тамана, прислали также своихъ депутатовъ, съ просьбою принять ихъ, со всѣми подвластными имъ народами, подъ покровительство Россіи на томъ же основаніи, на какомъ приняты крымскіе татары. Мегметъ-Гирею обѣщано покровительство, и городъ Таманъ занятъ нашими войсками. Ахметъ-бей просилъ только, по занятіи Тамана нашими войсками, не распространяться далѣе внутрь его владѣній. Просьба его была уважена.

9-го іюля крымцы прислали въ главную квартиру аманатовъ, какъ залогъ своей покорности, и депутатовъ для отправленія въ Петербургъ къ высочайшему двору.

Покорность большей части татарскихъ поколѣній убѣдили наконецъ крымскаго хана Селимъ-Гирей въ бесполезности сопротивленія и принудили его также покориться. 13-го іюля посланный съ письмомъ хана явился къ князю Долгорукову. Селимъ просилъ о принятіи его подъ покровительство и о признаніи ханомъ надъ всѣми крымскими татарами.

Главнокомандующій требовалъ, чтобы ханъ отправилъ послами въ Петербургъ двухъ своихъ сыновей, и, до полученія рѣшенія и отвѣта отъ нашего правительства, оставался бы покойнымъ, жилъ въ Бахчисараѣ или въ другомъ городѣ, не вмѣшивался въ крымскія дѣла, предоставивъ ихъ „распоряженію избранныхъ всѣмъ обществомъ начальниковъ“.

Прочное утвержденіе наше въ Крыму заставило и остальныхъ меджихъ татарскихъ владѣльцевъ искать покровительства Россіи.

Такъ съ этою же цѣлю явился къ князю Щербатову посланные изъ Темрюка отъ Ахметъ-бея и Алакъ-бея; изъ Ачуя, отъ Аги-Измаила; изъ горъ отъ Хаджи-Мустафы и изъ Копыла отъ Измаиль-аги.

Среди такихъ успѣховъ получено было извѣстiе, что въ непродолжительномъ времени турки придутъ въ Крымъ. Главнокомандующій сдѣлалъ распоряженiе о скорѣйшемъ занятiи всѣхъ портовъ.

14-го юля Прозоровскій дошелъ до дер. Капчакъ и отсюда на слѣдующій день отправилъ генераль-маiора Чарторижскаго, съ тремя баталiонами пѣхоты, полкомъ казаковъ, двумя эскадронами гусаровъ и нѣсколькими орудiями для занятiя Балаклавы и Бельбека. Главнокомандующій приказалъ князю Прозоровскому не входить въ Бахчисарай, какъ просили его татары, и обходиться съ ханомъ, если будетъ имѣть съ нимъ сношенiе, какъ съ княземъ крови, а не какъ съ владѣтелемъ.

Ханъ не имѣлъ, впрочемъ, искренняго намѣренiя къ признанiю покровительства Россiи. Не дождавшись отвѣта главнокомандующаго, Селимъ съѣлъ со всѣми своими приверженцами на приготовленныя ему въ Ялтѣ суда и уѣхалъ въ Румелию. Оставленные на полуостровѣ, крымскiе ширинъ-мурзы, дворянство и духовенство съѣхались въ Карасу-Базаръ на совѣщанiе объ избранiи себѣ новаго хана изъ числа лицъ Гиреевой фамилiи, находившихся въ Крыму. Султанъ Сагибъ-Гирей былъ избранъ ханомъ, братъ его Шагинъ-Гирей калгою, а племянникъ ихъ Батырь-Гирей нуррединомъ. Послѣ избранiя, представители крымскаго правительства просили у нашего двора утвержденiя Сагиба-Гирея въ ханскомъ достоинствѣ и обязались клятвою оставаться въ ненарушимомъ согласiи съ Россiею (*). Съ крымскими татарами повелѣно поступать точно такъ же, какъ съ буджакскими и едисанскими татарами. Сагибъ-Гирей былъ утвержденъ ханомъ. Впослѣдствiи съ нимъ и съ крымскимъ правительствомъ договоръ этотъ замѣненъ особымъ трактатомъ о вѣчномъ союзѣ. Петербургскiй дворъ принялъ на себя обязательство охранять права татаръ и особенно ихъ независимость отъ Порты Оттоманской, для чего и положено на время войны занимать нашими войсками всѣ укрѣпленныя въ

(*) Указъ сенату 8-го декабря 1771 г. „Полн. Собр. Зах.“, № 13,717.

Крыму мѣста, а послѣ войны содержать на случай нужды гарнизоны въ Керчи и Еникюль (*).

Сагибъ-Гирей, тотчасъ по утвержденіи его ханомъ, отправилъ въ С.-Петербургъ, въ качествѣ полномочнаго, брата своего калга Шагинъ-Гирея. 30-го августа калга прибылъ въ главную квартиру и послѣ свиданія съ главнокомандующимъ, 5-го сентября, отправился въ путь.

Между тѣмъ, получено было свѣдѣніе, будто нѣкоторые неблагонамѣренные къ намъ мурзы, собравшись въ Карасу-Базаръ, постановили сдѣлать одновременное нападеніе на наши посты, разставленные по берегу. Свѣдѣніе это оказалось ложнымъ: мурзы собрались для того, чтобы подписать свой присяжный листъ о подданствѣ. При заключеніи трактата постановлено было возратить всѣхъ русскихъ плѣнныхъ за плату по 100 р. за каждаго. Этимъ воспользовались христіане другихъ націй и являлись къ князю Прозоровскому. Главнокомандующій разрѣшилъ принимать ихъ и приказалъ отправлять черезъ Перекопъ въ Россію.

Князь Прозоровскій отправился осматривать посты. На пути онъ получалъ множество просьбъ отъ татаръ: всѣ они просили дозволить возвратиться въ Крымъ тѣмъ судамъ купеческимъ, которыя ушли въ Царьградъ и Анатолю до прибытія русскихъ войскъ. Князь Долгоруковъ согласился удовлетворить ихъ просьбу, но съ тѣмъ, чтобы суда входили въ одну балаклавскую пристань, чтобы подойдя къ берегу останавливались на якорь и ожидали осмотра; чтобы заплатили въ казну пошлину и экипажъ присягнуть, что не имѣетъ съ собою никакихъ писемъ.

Въ Крыму, по берегу моря, находилось много греческихъ деревень. Въ проѣздъ князя Прозоровскаго по постамъ, жители подавали ему просьбы объ избавленіи ихъ отъ владычества крымскаго хана. Не принимая просьбъ, Прозоровскій спрашивалъ о томъ главнокомандующаго, который отвѣчалъ, что какъ предки ихъ сами добровольно приняли подданство крымскаго хана, то и слѣдуетъ имъ такъ оставаться, но что въ трактатѣ выговорено свободное отправленіе имъ христіанской вѣры.

Въ концѣ августа кончились военныя дѣйствія въ Крыму. Вся армія раздѣлена была на три корпуса.

3-го сентября войска двинулись обратно и въ октябрѣ мѣ-

(*) „Полн. Собр. Зап.“, № 13,843.

оцѣ расположились на зимнихъ квартирахъ. Самъ главнокомандующій уѣхалъ въ Полтаву. Резервный корпусъ князя Прозоровскаго имѣлъ назначеніе, въ случаѣ нужды, подкрѣпить крымскій корпусъ. Выступивъ къ Петровской крѣпости (*), князь Прозоровскій поѣхалъ впередъ для устройства магазиновъ и сообщенія съ Крымомъ.

Отрядъ князя Прозоровскаго, отступивъ, расположился по донскимъ станицамъ.

Въ Крыму оставленъ одинъ отрядъ князя Щербитова, которому приказано было присоединить къ себѣ войска съ Таманскаго полуострова.

15-го сентября отправленъ въ Бахчисарай канцеляріи совѣтникъ Веселицкій, для пребыванія при ханѣ повѣреннымъ въ дѣлахъ.

Побѣды графа Румянцева почти по всей дунайской линіи и успѣхи князя Долгорукаго въ Крыму въ теченіе 1771 года доставили нашей арміи спокойныя зимнія квартиры, а европейскимъ дворамъ причины къ волненіямъ и безпокойствамъ.

Вѣнскій кабинетъ, со своимъ министромъ княземъ Кауницемъ, болѣе всего опасался нашихъ завоеваній на Дунаѣ. Австрія боялась не менѣе самихъ турокъ возрастающаго могущества Россіи. Завоеванія послѣдней примыкали теперь къ Венгріи, всегда недовольной Австріею. Министръ вѣнскаго кабинета, своимъ вмѣшательствомъ въ дѣла наши съ Турціею, думалъ ослабить успѣхи нашего оружія. Кауницъ предложилъ свое посредничество къ восстановленію мира Россіи съ султаномъ. Екатерина обрѣзала излишнюю услужливость Австріи, объявивъ, что не позволитъ чужой державѣ вмѣшиваться въ дѣла ея съ непріателемъ и, только по желанію заключить миръ, не отказывается вступить въ мирные переговоры.

Кауницъ успѣлъ завести переговоры въ Константинополь, предлагалъ тѣснѣйшій союзъ Австріи съ Турціею, обѣщалъ ей помощь, но требовалъ за это платы деньгами. Чтобы показать, что Австрія дѣйствительно намѣрена оказать фактическую помощь Турціи, вѣнскій дворъ сдѣлалъ распоряженіе о сборѣ войскъ въ Венгріи. Оттоманскіе министры не отказывались отъ платежа денегъ, но спорили о количествѣ ихъ. Кауницъ между тѣмъ вошелъ въ сношеніе съ прусскимъ дворомъ и думалъ разорвать союзъ Фридриха II съ Екатериною. Вѣн-

(*) При впаденіи р. Берды въ Азовское море.

скій дворъ старался внушать берлинскому, что могущество Россіи, въ дальнѣйшемъ его развитіи, можетъ быть опаснымъ для цѣлой Германіи.

Фридрихъ II хотя и не вѣрилъ искренности внушеній вѣнскаго кабинета, однако же находился въ нерѣшительномъ положеніи. По условіямъ союза, онъ платилъ Россіи вспомогательныя деньги на такую войну, которая не приносила никакой выгоды Пруссіи. Сборъ въ Венгріи войскъ наводилъ его на мысль, что, по тому же союзу, онъ долженъ будетъ воевать съ Австріею. Поэтому онъ рѣшился, какъ говорится, однимъ ударомъ убить двухъ зайцевъ. Фридрихъ сообщилъ въ Вѣну, что, въ случаѣ войны Австріи съ Россіею, не можетъ отказаться отъ обязательствъ и тѣхъ пособій, которыя требуются отъ него союзнымъ договоромъ, заключеннымъ съ русскимъ правительствомъ. Въ Петербургъ же онъ писалъ, что, для предупрежденія новой общей войны, необходимо, чтобы Россія, при мирныхъ переговорахъ своихъ съ турками, отказалась отъ вознагражденій на Дунаѣ, а взамѣнъ ихъ искала бы пріобрѣтеній изъ земель Польши, какъ главной виновницы начала непріязненныхъ дѣйствій съ турками. При этомъ Фридрихъ находилъ необходимымъ выдѣлить изъ тѣхъ же польскихъ земель участки для Пруссіи и Австріи: первой въ награду за вспомогательныя деньги намъ доставленныя, а второй какъ необходимую примирительную уступку, безъ которой Австрія не останется равнодушною къ самымъ справедливымъ поступкамъ Россіи.

Большая потеря людей и денегъ во время войны, значительная убыль населенія отъ моровой язвы или чумы, бывшей въ 1771 году, и вслѣдствіе того затрудненіе въ своевременномъ пополненіи арміи, заставили русское правительство уклоняться отъ новой войны и желать окончанія той, которая уже существовала. Петербургскій кабинетъ не упорствовалъ и не отвергалъ предложеній о мирѣ съ турками, гдѣ лучшими его ходатаями были Австрія и Пруссія. Бывшіе въ Константинополѣ повѣренные въ дѣлахъ обѣихъ державъ получили приказаніе своихъ кабинетовъ представить Портѣ о необходимости мира и прекращенія такой войны, которая вромѣ пораженій и потерь, дотогдѣ небывалыхъ, не принесла ничего существеннаго оттоманскому могуществу.

Диванъ, самъ искавшій случая къ началію мирныхъ пере-

говорить, принялъ съ радостію внушенія Австріи и Пруссіи, ухватился за нихъ, довольный случаемъ и возможностью, въ случаѣ нужды, отговариваться тѣмъ, что починъ принадлежалъ не турецкому правительству. Верховный визирь Мусинь-Оглу, по приказанію Порты, выдалъ фельдмаршалу графу Румянцеву актъ, въ которомъ между прочимъ говорилось: „Правдивѣйшій императоръ, всемилоствѣйшій мой государь, одаренный императорскими качествами и человѣколюбіемъ“, обращая свое вниманіе на безпокойство и разореніе обитателей обѣихъ сторонъ и склоняясь на просьбы нѣмецкаго (австрійскаго) императора и прусскаго короля, готовъ учредить конгрессъ и прекратить съ обѣихъ сторонъ военныя дѣйствія. А какъ и „приятнѣйшая императрица“ Россійская „пожелавшая сіе дѣло къ окончанію привести, писать соизволила, то и рѣшено было назначить съ обѣихъ сторонъ полномочныхъ для заключенія перемирія“. На основаніи его постановлено: прекратить военныя дѣйствія; оставить войска на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нынѣ находятся. „Войскамъ же обѣихъ сторонъ—сказано было въ перемиріи—кои находятся на берегахъ Дуная, да будетъ чертою большее течение р. Дуная, до тѣхъ поръ, пока отъ двухъ имперій назначены будутъ границы; и по обимъ берегамъ вновь строенія и укрѣпленія не чинить, ниже находящіяся починять и укрѣплять, равномѣрно же разоренныя мѣста въ концѣ послѣдней компаніи да не починятся, а именно: Бабады, Тульча, Исакача, Мачинъ, Гирсовъ, но оставлены быть имѣютъ въ нынѣшнемъ ихъ состояніи“.

Постановлено было прекратить военныя дѣйствія и на морѣ.

Отоманскія военныя суда не должны входить въ большой Дунай и р. Днѣстръ, „такоежъ бы никто при берегахъ и портахъ крымскихъ не показывался бѣвъ нужды“. Но если нагруженныя турецкія суда, направленные съ провіантомъ для войскъ въ Очаковъ или Кинбурнъ, противнымъ вѣтромъ или другимъ несчастнымъ случаемъ, будутъ прибиты къ крымскимъ берегамъ и къ Бессарабіи, то, для спасенія ихъ оказавъ помощь, „проходу ихъ не препятствовать“. Точно также поступать туркамъ и съ тѣми русскими судами, которыя прибѣтъ къ аятолійскимъ, румелійскимъ берегамъ и прочимъ портамъ отоманской имперіи (*).

Въ Фокшанахъ открылся конгрессъ, при участіи уполномо-

(*) См. „Полюн. Собр. Зак.“ т. XIX, 1772 г., № 13,822.

горазуміе, а притомъ ревность и усердіе къ службѣ приобрѣли ему всеобщую репутацію и коего имѣть въ командѣ я почитаю за особливую честь. И такъ, утверждаясь на ономъ, предоставляю я все присутствованію и обзорнѣю вашего сіятельства и вѣрю несомнѣнно, что конечно времени потеряно не будетъ и что не уедлите начать кампанію какъ только будетъ возможно“.

Князь Прозоровскій приказалъ полкамъ собираться къ вершинамъ р. Калміуса (*), а самъ 10-го февраля выѣхалъ изъ Луганской станицы и 11-го прибылъ въ слободу Бѣлую. 20-го числа онъ получилъ приказаніе главнокомандующаго двинуться, чрезъ Арбатскую стрѣлку, къ Арбату, гдѣ и расположиться по взаимному согласію съ генераль-поручикомъ княземъ Щербатовымъ, а кавалерію отправить по прежнему назначенію къ Шагинъ-гирейскому ретраншаменту. Движеніе это признавалось необходимымъ потому, что съ наступленіемъ весенняго времени турки легко могли сдѣлать десантъ на Крымскій Полуостровъ.

22-го числа князь Прозоровскій прибылъ въ вершины Калміуса. Здѣсь онъ получилъ увѣдомленіе князя Щербатова, что почти ежедневно у крымскихъ береговъ показываются крейсерующія непріятельскія суда; поѣтому онъ и просилъ посѣщить движеніемъ къ Арбату и расположиться между имъ и Кефою (Феодосією).

Порта искала мира; съ обѣихъ сторонъ были назначены уполномоченные, а между тѣмъ въ Черномъ морѣ снаряжали турецкій флотъ, какъ слышно было, для завладѣнія Крымомъ нечаяннымъ нападеніемъ.

Туркамъ невыгодно было сдѣлать высадку ни у Ениколя ни у Кефы (Феодосіи). Къ Ениколю былъ столь узкій входъ со стороны моря, что пришлось бы тянуться гусемъ въ одинъ корабль. Съ другой стороны, если бы туркамъ удалось завладѣть Кефою, то большая часть полуострова, отдѣленная горами, оставалась бы въ нашемъ владѣніи. Къ тому же, высадившись въ Кефѣ, они не имѣли средствъ поддерживать сообщенія съ Очаковымъ, единственнаго мѣста, откуда могли получать подкрѣпленіе и провіантъ.

Всѣ эти затрудненія и неудобства уничтожались десантомъ со стороны Ялты. Овладевъ ею, турки имѣли бы въ своихъ

(*) Текущей съ сѣвера на югъ и впадающей въ Азовское море.

рукахъ горы, а занявъ Балаклаву и Бельбекъ могли заставить покориться и Бахчисарай.

Ялта была, слѣдовательно, для насъ самымъ важнымъ пунктомъ обороны.

11-го мая князь Прозоровскій перешелъ съ отрядомъ до р. Средней Бердянки (*) и получилъ просьбу князя Щербатова поспѣшить въ Крымъ, такъ какъ непріятельскія суда „дѣлають на берега покушенія между Бельбека, Балаклавы и Ялты“. Говорили о скоромъ прибытіи значительнаго турецкаго флота и о скрытномъ вооруженіи крымскихъ татаръ.

Отправивъ впередъ къ Перекопу кавалерію, князь Прозоровскій самъ съ пѣхотою двинулся къ Геничамъ. 20-го мая онъ достигъ до Геничей, перешелъ по мосту проливъ и расположился лагеремъ на Арбатской стрѣлкѣ. Присоединивъ къ отряду князя Прозоровскаго еще одинъ пѣхотный полкъ, князь Щербатовъ остановилъ его здѣсь и поручилъ ему охраненіе всего берега Чернаго моря между Кефою и Керчью.

Прозоровскій перешелъ съ отрядомъ на р. Буцухъ, гдѣ и расположился лагеремъ.

6-го іюня главнокомандующій писалъ князю Прозоровскому о заключенномъ съ Портою перемиріи, которымъ положено не начинать военныхъ дѣйствій въ Молдавіи, Валахіи, Бессарабіи и Крыму и въ прочихъ мѣстахъ и владѣніяхъ обѣихъ сторонъ, до собранія полномочныхъ пословъ, назначенныхъ для заключенія мира; въ Грузіи же, Мингреліи и въ прочихъ мѣстахъ Закавказья перемиріе продолжено до 1-го октября.

Для заключенія съ татарами трактата, отправленъ въ Крымъ, въ качествѣ полномочнаго, генералъ-поручикъ Щербининъ. Два эскадрона гусаровъ, два эскадрона ростовскихъ карабинеровъ и 200 человекъ луганскихъ пикинеровъ составляли конвой Щербинина. Вслѣдъ затѣмъ князь Прозоровскій получилъ приказаніе командировать въ конвой его же одинъ баталіонъ съ двумя орудіями, которому и именоваться *посольскою свитою*.

Дурной климатъ, недостатокъ хорошей воды, болотистая почва тѣхъ мѣстъ, гдѣ были расположены войска отряда князя Александра Александровича, способствовали весьма скорому открытію болѣзней, кончавшихся преимущественно смертію. Оставаясь въ бездѣйствіи, войска, между тѣмъ, тер-

(*) Текущей съ сѣвера на югъ и впадающей въ Азовское море, западнѣе г. Бердянска.

пѣли значительную убыль въ своей числительности. Князь Прозоровскій просилъ главнокомандующаго вывести его отрядъ изъ Крыма.

„Съ великимъ удовольствіемъ—писалъ ему въ отвѣтъ на это главнокомандующій (*)—исполнилъ бы я желаніе вашего сіятельства, выведение команды вашихъ войскъ изъ Крымскаго полуострова, ежели бы только нынѣшнія обстоятельства могли мнѣ то позволить. Ваше сіятельство извѣстны, конечно, что Щербининъ отправился для трактованія съ ханомъ и какъ онъ предпринималъ сію повѣзку *съ воплемъ и слезами*, по случаю получаемыхъ изъ Крыма извѣстій о тамошнихъ сумнительныхъ обстоятельствахъ, то коликое могло бы произвести въ немъ дѣйствіе выведение изъ Крыму корпуса вашего? Почему и остается мнѣ ожидать отзыва съ его стороны, и ежели заключенное перемиріе успокоитъ и поправитъ дѣла, то не оставлю я на долгое время вашему корпусу пребывать въ теперешнемъ его мѣстѣ, а постараюсь, конечно, сберець его вѣ Крыма“.

Извѣстіе о нерасположеніи къ намъ татаръ и хана принудило Щербинина, вскорѣ послѣ прибытія въ Крымъ, вызвать къ себѣ князя Прозоровскаго со всѣмъ его отрядомъ, который и предполагалось расположить въ Бахчисарай. Движеніе это возбудило опасеніе татаръ и крымскаго правительства. Щербининъ послалъ приказаніе князю Прозоровскому не входить въ Бахчисарай, а расположиться на р. Салгирѣ. Неимѣніе въ этомъ мѣстѣ воды и подножнаго корму для лошадей заставило князя Прозоровскаго, въ свою очередь, просить о дозволеніи ему расположиться при сліяніи двухъ рѣкъ: Большаго и Малаго Карасу, въ 11 верстахъ отъ салгирскаго ретраншамента и въ 80 верстахъ отъ Бахчисарая. Въ этомъ мѣстѣ отрядъ оставался до конца августа, а самъ Александръ Александровичъ отправился, по требованію Щербинина, въ Бахчисарай, гдѣ заболѣлъ лихорадкою.

Упорство крымскаго хана и его правительства не давали Щербинину никакой надежды на заключеніе трактата; притомъ же пронесся слухъ, будто со дня на день ожидаютъ прибытія турецкихъ войскъ и будто татары тайнымъ образомъ вооружаются. Эти свѣдѣнія были болѣе чѣмъ вѣроятны и отчасти согласовались съ офиціальными сообщеніями петербургскаго кабинета. Переговоры съ турками о мирѣ шли также

(*) Въ письмѣ отъ 8-го іюня изъ Полтавы. Записки Прозоровскаго.

неуспѣшно. Графъ Григорій Григорьевичъ Орловъ сообщалъ, что турки не соглашаются на вольность татаръ, говоря, что, по магометанскому закону, ханъ не можетъ законно править своимъ народомъ безъ утверженія султана и безъ того, чтобы каждый ханъ при избраніи своемъ не „испрашивалъ униженно у султана признанія въ томъ достоинствѣ“.

Несоглашенія на счетъ главныхъ пунктовъ мирныхъ условий довели, какъ мы видѣли, до прекращенія переговоровъ. По всѣмъ пунктамъ расположенія войскъ приказано соблюдать всю воинскую осторожность.

Князь Прозоровскій принужденъ былъ оставить настоящее свое расположеніе, двинуться вверхъ по Салгиру и, не вдаваясь въ горы, занять позицію такъ, чтобы, въ случаѣ неприятельской десанта, въ состояніи былъ подкрѣпить посты: Балаклавскій, Бельбекскій и Козловскій и охранять весь тамошній берегъ. Изъ лагеря при Карасу отрядъ двинулся по Салгиру и остановился въ 27 верстахъ отъ ретраншаментовъ того же имени (*). Переговоры Щербинина съ крымцами не двигались впередъ. Татарскіе начальники объявили ему, что большая часть старшинъ за неимѣніемъ корму для лошадей оставила Бахчисарай, разѣхалась по домамъ и не намѣрена снова съѣзжаться. Для трактованія же о мирѣ они просили избрать какое-нибудь мѣсто въ полѣ и при рѣкѣ, гдѣ бы былъ подножный кормъ для лошадей. Ханъ также обѣщалъ выѣхать на избранное мѣсто. Въ отвѣтъ на это Щербининъ спрашивалъ татаръ: желаютъ ли они подписать трактатъ или нѣтъ? Татары уклонялись отъ прямого отвѣта. Уполномоченный, вмѣстѣ съ графомъ Орловымъ, Обресковъ писалъ Щербинину о прекращеніи конгресса съ турками. Онъ сообщалъ, что турецкіе уполномоченные, получивъ точное приказаніе визиря прибыть въ его лагерь, немедленно отъѣзжаютъ. Узнавши о прерваніи мирныхъ переговоровъ, крымскій ханъ объявилъ, что выѣзжаетъ въ Карасу-Базаръ и тамъ окончитъ мирные переговоры, такъ какъ туда пріѣдутъ и старшины, которыхъ за безкормицею въ Бахчисарай собирать невозможно.

Въ Крыму распространилось извѣстіе, что султанъ назначилъ другаго хана, который требовалъ, чтобы татары сдѣлали нападеніе на русскія войска. Татары волновались и въ раз-

(*) Ретраншаментъ этотъ былъ построенъ на дорогѣ изъ Перекопа въ Кефу, пересѣкавшей р. Салгиръ.

ныхъ мѣстахъ собирались вооруженные. Посланные княземъ Прозоровскимъ развѣзды наѣхали около Акмечети (Симферополя) и Карасу-Базара на татарскіе пикеты.

— Что вы тутъ стережете? спрашивали ихъ казаки.

— Мы ищемъ ушедшихъ ясырей, отвѣчали татары.

У Салгира также появились татарскіе пикеты.

4-го сентября Щербининъ оставилъ Бахчисарай и отправился въ лагерь къ князю Щербатову. Турецкія суда появились въ виду берега.

Отрядъ князя Щербатова, занимавшій въ Крыму крѣпости и гавани, былъ разбросанъ такъ, что не осталось ни одной роты, которую можно было бы употребить въ случаѣ внутреннихъ волненій татаръ. Для этой послѣдней цѣли князь Щербатовъ назначилъ отрядъ князя Прозоровскаго.

Къ крымскимъ берегамъ отъ времени до времени подходили мелкія турецкія суда, разузнававшія о происходившемъ въ Крыму. Крымцы собирали свои вооруженныя толпы и ожидали прибытія турокъ, чтобы дѣйствовать противу насъ совокупными силами. Ханъ насчитывалъ у себя до 7,000 такихъ вооруженныхъ, а нуррединъ-султанъ около 2,000 человекъ. Толпа эта, собираясь въ разныхъ пунктахъ, грабила, убивала проѣзжихъ и, въ ожиданіи помощи турокъ, зажигала по берегамъ маяки. На требованіе распустить свои войска ханъ отвѣчалъ, что безъ совѣта старшинъ и ихъ согласія сдѣлать этого не можетъ. Для уничтоженія сборищъ постановлено было разогнать татаръ одновременно на всѣхъ пунктахъ. 20-е сентября назначено днемъ дѣйствія и предположеніе это рѣшено привести въ исполненіе слѣдующимъ образомъ: полковникъ Дельвигъ съ Алексѣевскимъ полкомъ и половиною компанейскаго полка долженъ былъ разогнать толпу, собравшуюся у Керчи; генералъ-маіоръ Якоби со своимъ отрядомъ, идя отъ Кефы (Феодосіи), гдѣ онъ былъ расположенъ, разогнать не подалеку отъ Арбата; полковникъ Бринкъ, со стороны Салгирскаго ретраншаменты, долженъ былъ разсѣять толпу при Карасу-Базарѣ; полковникъ Де-Вальменъ у Акмечети (Симферополя), а князь Прозоровскій у Козлова (Евпаторіи) и сборище самого хана. При встрѣчѣ нашихъ отрядовъ съ татарами, положено объявить сначала о причинахъ, побудившихъ къ такому роду дѣйствій, требовать, чтобы они разошлись по своимъ домамъ, и въ противномъ случаѣ дѣйствовать оружіемъ.

Получивъ такое приказаніе, князь Прозоровскій тотчасъ же усилилъ козловскій (евпаторійскій) постъ, гдѣ было наибольшее собраніе татаръ.

19-го числа князь Александръ Александровичъ, разсчитывалъ прибыть съ отрядомъ на Салгиръ, и приказалъ полковнику Бриядку, чтобы онъ 20-го числа былъ подъ Карасу-Базаромъ, въ то время когда Прозоровскій двинется по теченію рѣки. Ханъ увѣрялъ въ своей преданности, но съ отрядомъ около 6,000 чедовѣкъ подвигался къ сторонѣ Карасу-Базара.

19-го сентября Прозоровскій прибылъ на р. Салгиръ. Въ тринадцати верстахъ отъ него стоялъ ханъ съ своимъ отрядомъ, на р. Бештерекъ (впадающей въ р. Салгиръ). По свидѣніямъ, ханъ присоединилъ къ себѣ войско бывшее въ Карасу-Базарѣ. Поэтому полковникъ Бринкъ получилъ приказаніе слѣдовать на соединеніе съ отрядомъ князя Прозоровскаго. Въ ночь былъ отправленъ посланный къ хану съ требованіемъ распустить свое войско и самому ѣхать или въ Бахчисарай, или въ Карасу-Базаръ. Не дожидавшись отвѣта, и по соединеніи съ отрядомъ Бринка, князь Прозоровскій двинулся къ лагерю хана. На половинѣ дороги получено извѣстіе, что татары вмѣстѣ съ ханомъ бѣжали въ горы еще съ вечера и что посланные Прозоровскаго едва могли отыскать хана. Последний прислалъ своего мурзу къ Прозоровскому и обѣщалъ распустить свои войска съ условіемъ, какъ писалъ князь Прозоровскій, „что бы я побожился, что ихъ грабить не стануть“.

Посланный увѣрялъ, что ханъ готовъ заключить трактатъ если мы не тронемъ ихъ закона. Ханъ дѣйствительно распустилъ войска и въ сопровожденіи своихъ мурзъ отправился въ Карасу-Базаръ, откуда намѣренъ былъ просить Щербинина поспѣшить заключеніемъ трактата, послѣ котораго „желали поскорѣе разѣхаться: ханъ въ Бахчисарай, а мурзы по домамъ“. Одновременно съ этимъ остальные отряды разогнали татаръ въ назначенныхъ имъ мѣстахъ.

25-го сентября князь Щербатовъ просилъ князя Прозоровскаго принять, за его болѣзнію, команду надъ войсками. Князь Александръ Александровичъ отправился въ главную квартиру въ Кефу (Θеодосію). Принявъ начальство надъ всѣми войсками, расположенными въ Крыму, князь Прозоровскій сдѣлалъ новую дислокацію ихъ. Причемъ заняты посты перекопскій, инкер-

манскій и акмечетскій (симферопольскій); большая же часть кавалерійскихъ полковъ выведена изъ Крыма.

Распределенныя по постамъ войска были поручены: генераль-маіору Якоби—посты въ Судакѣ, Кефѣ (Ѳеодосіи), Ениколѣ, Керчи и Арбатѣ; генераль-маіору Фризелю—посты отъ устья Солмы до перекопской линіи и въ Козловѣ (Евпаторіи). Въ Перекопѣ былъ назначенъ комендантъ, завѣдывавшій и всею линіею. Отъ Ялты до Бельбека команда поручена полковнику Кохиусу. Самъ князь Прозоровскій назначилъ мѣстомъ своего пребыванія Козловъ (Евпаторію).

2-го октября князь Александръ Александровичъ получилъ убѣдительную просьбу хана присутствовать при заключеніи трактата. Ханъ писалъ, что старшины и мурзы уже отправились въ Кефу. Генераль-поручикъ Щербининъ просилъ также Прозоровскаго пріѣхать въ Кефу для совѣщаній, гдѣ 3-го числа собрались всѣ мурзы, а 5-го октября предполагалось начать переговоры. 4-го числа князь Александръ Александровичъ прибылъ въ Кефу (Ѳеодосію), а 16-го трактатъ былъ подписанъ уполномоченными мурзами. Оставалось только скрѣпить его печатью хана.

* *